

В ряду теоретических проблем изучения нетрадиционных религий я вижу важное значение их классификации, ориентированной на их смысловое, феноменологическое, содержание и их определенную связь с ведущими религиозными традициями (или на их апелляцию к таковой). Проблема эта давно поставлена отечественными и зарубежными исследователями и по-разному и решается, однако не только не потеряла своего значения, но стала сегодня еще более актуальной, чем прежде. Причин к тому несколько: с одной стороны, известные основатели новых религиозных движений стремятся так или иначе связать себя с христианской традицией и даже именовать себя Христом. Кореец Мун называет себя «вторым Христом» и объявил о своем намерении объединить все мировое христианство, японец Асахара в своей необуддистской книжке провозгласил себя Христом, наконец, наши соотечественники прямо называют себя то ли Виссарионом-Христом, то ли Марией Дэви Христом. С другой стороны, регистрация религиозных объединений на основании ныне действующего Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» предполагает установление их конфессиональной принадлежности. Это превращается в сложную и дискуссионную проблему, по существу не разрешимую ввиду ложных конфессиональных амбиций названных лидеров новых религиозных движений. Таким образом, вопрос об идентичности христианской традиции в наши дни приобрел особую остроту и актуальность в связи с выступлениями новых религиозных движений.

И еще одна, чрезвычайно важная и очень сложная, проблема. Чтобы включить в предмет своего рассмотрения все многообразие нетрадиционных религий, я должен был составить длинный ряд разнообразных типов исторически эволюционировавшей религиозности, начиная от язычества, которое многие теологи-ортодоксы до сих пор не считают религией, вплоть до так называемой светской религиозности. Ее не считают религией даже многие религиоведы, и только в последнее время появились серьезные исследования «религии советизма» — типичного представителя светской религиозности. Таким образом, исторический *метаморфизм* религии является серьезной научной проблемой, решение которой позволит глубже понять исторический генезис религий вообще и, в частности, уточнить специфику нетрадиционных религий, а вместе с тем — изучить особые разновидности новых религиозных движений, возникших на

светской основе (к их числу относится, например, возникшее в последние годы социально-политическое движение «К Богодержавию»).

Итак, современные нетрадиционные религии действительно оказались «пестрым калейдоскопом», как о них писали еще в самом начале их бурной истории. Теперь задача состоит в том, чтобы подвергнуть эту яркую пестроту красок строгому «спектральному анализу» — типологизации и классификации, морфологическому и феноменологическому анализу.

Собственно говоря, это предмет нового, *аналитического религиоведения*, которое неизбежно должно опираться на материалы традиционного, описательного религиоведения и развиваться на основе межконфессиональных и кросскультурных сопоставлений сравнительного религиоведения. Однако аналитическое религиоведение по существу перестает быть религиоведением в собственном смысле слова, поскольку призвано изучать не только и не столько религию, а все, что относится к единой типологии сакральной веры. В таком случае новую научную дисциплину правильнее назвать *аналитикой сакральной веры*.

Конечно, религия останется на первом плане ее предметного поля, однако не будет занимать его все и целиком. К тому же по части актуальности проблематики исследование традиционных религий уже сегодня оттесняется интересом к новым мифологиям, эзотерике, мистицизму.

В современном мире одной из первоочередных задач стали борьба с религиозным экстремизмом. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что этот идеологически и политически ангажированный феномен только прикрывается названием «религия», требованием «чистоты религиозного сознания» и «строгого соблюдения принципов веры и религиозных традиций». Фактически перед нами социально-политический экстремизм, сепаратизм и терроризм, выступающие под определенным конфессиональным флагом, религиозно мотивированные новые реакционные утопии. Все это — проявления экстремистской религиозной идеологии, а не просто фундаменталистские верования. Этот феномен может быть назван «инструментальной религией», используемой для оправдания сугубо утилитарных целей политической и милитаристской направленности. Такова еще одна малоизученная разновидность нетрадиционных религий, активизировавшаяся в последние годы в России в виде фанатично-воинственного ваххабизма

Как видим, проблематика исследования нетрадиционных религий ширится и актуализируется, открывая почти безграничные перспективы теоретических исследований. Физики любят повторять: «Нет ничего лучше хорошей теории». Для исследователей магии и мифа, религии и эзотерики перспектива построения добротной объединительной теории становится вполне реальной.

Введение

В своем исследовании автор стремился показать, как в современный период глобальных цивилизационных изменений во всем мире, и в частности в условиях тяжелейшей переходной ситуации в России, происходит активизация религиозного сознания и воли людей. В первую очередь это относится к приверженцам новых религиозных движений, но в определенной мере и к верующим из традиционных конфессий.

На материале проникших в Россию в самое последнее время двух новых религиозных движений — китайского культа психосоматического совершенствования *Фалуьгун* и «современного буддизма» датчанина Оле Нидала, основанного на средневековой школе тибетского буддизма *Карма-Кагью*, рассмотрен широкий и многогранный процесс обновления религиозного сознания, приведший к выдвиганию на передний план новых религиозных *целей и ценностей*, активизации религиозной *деятельности*, изменению *форм религиозного сознания* и появлению *новых типов верующих*.

В условиях кардинальных общественных перемен и вследствие глубоких изменений в культурной атмосфере общества радикально меняется *направленность* религиозной активности человека. Это связано с тем, что вместо апологетического или нейтрального отношения к существующей социальной действительности все чаще встречается ее критика, выливающаяся подчас в решительный протест и неприятие существующего порядка вещей. Эти разновидности *отстраненного* или *альтернативного* отношения к обществу (а для религиозного сознания — и к земному миру в целом) мотивируют разнообразные установки и устремления современных религиозно настроенных людей, начиная от радикального обновления и реформирования общества, человечества, мира и кончая экстремальными случаями решительного отказа от них и ухода в небытие. Распространяются и социально-религиозные устремления прямо противоположной направленности, свойственные *консервативным*,

контрреформаторским тенденциям в лице *новых религиозных правых и фундаменталистов*, выступающих против демократизации общества, общечеловеческих ценностей, прав человека, гуманизма и противопоставляющих модели «открытого общества» ту или иную форму теократии.

В новых религиозных движениях у человека радикально меняются *ценностные ориентации*, он начинает решительно осуждать свои прежние умонастроения, привязанности и образ жизни в целом, предается «слезному раскаянию», как тому учат в Богородичном центре, или же вступает на «путь личного совершенствования», предписанного Христом-Виссарионом и Богом Паршеком (Учителем Ивановым). В последние годы стали популярны экзотические практики самосовершенствования, заимствованным из древних традиций даосизма и *тантры-ваджраяны*. Последователи китайца Ли Хунчжи и датчанина Оле Нидала рассчитывают при помощи оккультных методов в кратчайшие сроки достичь высших уровней существования, стать небожителями, сравняться со священными буддами и даже превзойти их своим совершенством и могуществом.

Современная переходная эпоха трактуется всеми поборниками религиозных новаций в качестве «наступления последних времен», «конца света», «Апокалипсиса» или даже «Армагеддона над Россией», судя по названию одной из книг Богородичного центра.

Эти эсхатологические настроения побуждают адептов новой веры спешить с выполнением основных религиозных задач: распространением новой веры, пропагандой надежды на получение помощи свыше в современной кризисной ситуации и уверениями о близком спасении праведников (или, как их принято называть среди оккультистов, «достигших» сакрального совершенства). О необходимости реального и конструктивного решения проблем современности они и не помышляют, заранее отвергая все возможности позитивных изменений в обществе и надеясь только на его кардинальную трансформацию посредством сверхъестественных сил.

Все эти радикальные изменения целевых установок, ценностных ориентаций и мотиваций религиозной деятельности вызвали перестройку традиционной формы религиозного сознания, в российских пределах появились верующие новых типов: *неоязычники, неоориенталисты, мистики и оккультисты*, эсхатологически настроенные *неохристиане*. У одних на первом плане стоит психотехника сакрального совершенствования личности, другие стремятся с помощью новой веры приблизить человечество к Богу. *Сектанты-коммуналисты* создают в укромных уголках страны модели идеального человеческого общежития, хотя исходят при этом из очень разных религиозных убеждений. Помимо широко известного ноосферного поселения в минусинской тайге учеников Виссариона-Христа, у нас даже есть коммуны религиозных организаций, переживших судебные преследования. — АУМ Синрике и Ананда Марг.

Несколько особняком от этих новых религиозных движений стоят *теократы*, ориентирующиеся на будто бы существовавшее в далеком прошлом идеальное общество. Так некоторые православные идеологи призывают к воссозданию Святой Руси допетровской эпохи и в этой связи ратуют за поголовное воцерковление россиян. Исламские фундаменталисты настаивают на необходимости вернуться к идеальному мусульманскому обществу эпохи пророка Мухаммада.

Радикально-обновленческие тенденции то и дело возникают даже в традиционных конфессиях: сравнительно давно появились пропагандисты мистицизма в католической церкви Франции, латиноамериканская «теология революции» также вышла далеко за рамки ортодоксии, в деятельности протестантов-харизматиков, ставших почти повсеместно известными в современной России, приоритетное значение имеют магические и оккультно-мистические представления. Даже иудаизм дал новый росток нетрадиционной религиозности, причем именно на российской почве, поскольку в Израиле иудаизм — государственная религия и

новаторам там, видимо, трудно противостоять ему в этом высоком статусе, а впрочем, современным израильтянам перед лицом интифады не до богоискательства. В России иудаизм не так уж строг, даже его разделение в Америке на «три синагоги» (направления) у нас мало значимо. Такой либерализм породил две любопытные новации. Вначале появилось движение под названием «Евреи за Христа». За его декларируемым синкретизмом стоит желание преодолеть основанное на евангельской традиции обвинение древних евреев в осуждении Христа на распятие, найти понимание у православных и попытаться, наконец-то, начать конструктивный диалог с Русской православной церковью.

Вторая новация не менее любопытна: в России появились энтузиасты в изучении мистической каббалы. Наставником объявил себя некий Михаэль Лайтман, проживающий в Израиле. Он поставляет россиянам написанные им (на русском языке) книги о каббале, видеофильмы, аудиокассеты и каббалистическую музыку. В самом Израиле распространять всю эту продукцию запрещено, но в России препятствий, кажется, никаких нет: реализуется учебная программа, рекламируются бесплатные курсы, семинары, лекции.

Как видим, палитра религиозного мистицизма, распространяемого сегодня в России, весьма многокрасочна: харизматическое христианство, даосские и тибетские практики самосовершенствования, новая каббала. Поэтому подробный разговор об особенностях мистических учений и практик, предлагаемых россиянам, крайне важен. Этой теме и посвящена предлагаемая читателю книга.

И напоследок извечный русский вопрос: «Что делать?». Сложившаяся новая религиозная ситуация поставила во весь рост проблему отношения к новым религиозным движениям. Она предполагает возможность трех решений: 1) не замечать, игнорировать существование новых сект и культов, что и происходило в первые годы их появления, но потом стало просто невозможным из-за ряда трудностей и конфликтов на конфессиональной и юридической почве; 2) за-

конодательно преследовать и запрещать под разными предлогами новые религиозные организации, поддерживать так называемые «антикультовые движения», разжигающие религиозную нетерпимость и межконфессиональные конфликты, 3) попытаться найти юридические формы, допускающие существование новых религиозных движений, и развивать с ними сотрудничество по ряду общественно значимых направлений: миротворчества, охраны природной среды, борьбы с алкоголизмом и наркоманией, благотворительности и милосердия. В современной России очень медленно и с большим трудом пробивает себе дорогу третья тенденция, единственно приемлемая в цивилизованном обществе.

ГЛАВА I МОРФОЛОГИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ

1. Проблема идентификации и определения нетрадиционных религий

С момента возникновения в западных странах религиозно-мистической волны одной из главных задач культурологов, социологов и религиоведов стало выявление специфики новых религий. Однако достаточно четкого и полного ответа на этот счет не получено и до сего дня. В ходе же бурных конфессиональных споров и острых идеологических дискуссий о новых религиях эта важнейшая для их понимания проблема не только не проясняется, но еще более затемняется религиозными предрассудками и политическими наветами. По этой причине вместо строго научного анализа новых религий их порой по-прежнему трактуют крайне предвзято и пренебрежительно, даже если при этом не прибегают к церковному анафематствованию «ереси», «ловцов человеческих душ», «лжепророков и лжехристов». В таком случае, исходя из социологического или религиоведческого контекста, подбирают иные слова и стремятся убедить, что это «не подлинные религии» и даже «вовсе не религии», а некие «искусственно сфабрикованные культы», т.е. чистый обман и надувательство. Так старый просветительский миф о «трех обманщиках» вновь оживает применительно теперь уже к бесчисленным «фальшивым гуру». Парадоксально, что

эти слова с одинаковым негодованием произносят сегодня не только церковники, но и кришнаиты, а вслед за ними многие светские журналисты и даже некоторые ученые. Естественно, что специфику новых религий при таком ракурсе их рассмотрения обнаружить не удается.

На сегодняшний день особенно актуальной стала задача разобраться в особенностях новых религий, выявить характер их воздействия на личность и общество в целом. На Международной конференции по изучению тоталитарных сект (Москва, 1994), созванной по инициативе Русской православной церкви, в ряде научных сообщений в Российской Академии Наук были высказаны мнения об однотипности новых сект и культов. В первом случае все они были зачислены в категорию тоталитарных. Во втором случае появившимся у нас сектам и культам приписываются характерные черты «совковости». В них якобы ощущается отзвук утраченного авторитарного строя «Советской империи», жесткой партийно-идеологической системы, административно-волюнтаристских методов руководства. В них видят «родимые пятна» коммунистического строя и его идеологии, влияние которых не может в одночасье изгладиться в менталитете наших сограждан и вновь заявляет о себе в виде своеобразных «религиозных пережитков» авторитарности и тоталитаризма.

Можно согласиться, что новые секты порождены общими им всем причинами, однако это вовсе не свидетельствует об однородности их особенностей, об однотипности их строения и организации. Факты свидетельствуют о противоположном: разнообразие новых религий, сект и культов столь велико, что для них трудно подыскать общее название. Неудивительно, что одна из книг, написанных на эту тему, называлась просто «Странные культы». Дело в том, что новые религиозные объединения принципиально отличаются от прежних сектантских движений внутри господствующих церковных организаций и порождены так называемой нетрадицион-